

**ШЕСТОПАЛ
ЕЛЕНА БОРИСОВНА**

доктор философских наук, профессор,
завкафедрой социологии и психологии политики
факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

ПОЧЕМУ У НАС НЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ОБРАЗ БУДУЩЕГО?¹

Начну с того, что тема образа будущего появилась не сегодня, и не случайно. Она волнует и политиков, и ученых в течение всего постсоветского периода. Поиски «национальной идеи» начались уже в начале-середине 1990-х. Правда, ее так и не нашли. В 1999—2000 годах мне довелось участвовать в проекте Центра стратегических разработок под руководством Г. Грефа. Тогда перед этим Центром была поставлена задача написать стратегию развития страны на 15 лет. В результате получился документ с горизонтом планирования в полтора года. Та же судьба постигла и Стратегию-2020. В начале 2000-х был еще один интересный проект, посвященный будущему России в политике, экономике, международных отношениях, которым руководил А. В. Картунов. В этом проекте я занималась образом будущего применительно к нашей внутренней политике. С коллегами из других университетов в разных регионах мы проводили мозговые штурмы, количественные и качественные исследования, пытаюсь понять, как видят будущее нашей страны рядовые граждане и представители политического истеблишмента. Тогда мы получили данные, которые нас изрядно удивили.

Во-первых, оказалось, что обычные граждане смотрели в то время на будущее страны довольно пессимистично, тогда как с личным будущим у них все было в порядке. За двадцать лет произошли серьезные изменения образа своей страны. Наше общество уже ушло от тех комплексов национальной неполноценности, которые доминировали с середины 1980-х вплоть до 2014 года, и стало смотреть на будущее России оптимистичнее. Но процесс этот нелинейный, и он,

¹ По мотивам интервью специально для Социодиггера. Интервью брала и готовила текст Наталья Седова.

конечно же, сказывается и на образе нашего общего будущего. Затем пандемия внесла свои коррективы и сделала горизонт видения будущего (и личного, и общего) еще короче. Так что обычные граждане опять оказались без ясной картины нашего общего будущего.

Во-вторых, сравнив ответы рядовых респондентов и респондентов, которых можно назвать лидерами общественного мнения, мы обнаружили потрясающую вещь: образы будущего нашей элиты ничем не отличаются от видения дворника дяди Вани. Они так же аморфны, неопределенны и пессимистичны. Между тем главная функция элиты, если угодно, ее миссия — выстраивать стратегию страны, знать и показывать обществу, куда идем. Политические элиты отвечают не только за себя, они должны формулировать цель для всех, и цель не сиюминутную. Тем не менее все постсоветские годы наши элиты, как МЧС, только реагируют на сиюминутные задачи, тушат пожары. И здесь возникает вопрос: «Как же так, почему? У нас что — элита не такая, как везде?» Или дело в нашей вечной русской надежде на авось?

Видимо, в той общности картины будущего и у простых граждан, и у представителей элиты вносит свой вклад наша национальная психология, наш менталитет, который отличает нас от немцев, французов или англичан, которые с малых лет учатся все рассчитывать и планировать. Когда-то в 1980-х я провела в Великобритании полгода на стажировке. Англичане меня поразили тем, что они в магазин ходят со списком покупок и не покупают кусок ветчины в полкило, а покупают, точно рассчитывая в граммах по числу людей, которые сядут за стол. Навык планирования — это качество, которое воспитывается с малых лет и обеспечивает организованность жизни общества как на уровне обычного человека, так и (особенно) на уровне высших классов. Руководство страной, бизнесом, организацией требуют определенного типа стратегического мышления. Но ведь в этом своем отказе от планирования ежедневной жизни мы не одиноки. На нас похожи и жители Латинской Америки, Восточной Европы или Африки.

Что же касается особенностей современной элиты, то здесь играет свою роль факт, что нынешняя политическая, культурная (во всяком случае шоу-бизнес) и бизнес-элита сформировалась очень быстро, появившись из «ниоткуда». Нередко это были случайные люди — то, что классик называл «вельможи в случае». Их никто к этой роли специально не готовил, в отличие от старой аристократии в царское время или номенклатуры — в советское. Прежние российские и советские элиты появились не на пустом месте. Это была целая система организации семейного, школьного воспитания и так далее. Закрытые школы тренировали мозги и прививали понимание того, что быть частью этого класса означает огромную ответственность. Взамен человек получает определенные привилегии,

но главное — в нем воспитывается идея служения. Если не будет идеи служения, не появится и понимание того, что ты должен планировать на долгий срок. Наш короткий горизонт видения будущего связан не просто с неустойчивостью мира, а с внутренним психологическим дефектом элиты, которая свою роль и свою миссию даже не осознает. Политический класс надо готовить, а у нас во власти случайные люди. Новые люди в элите в 1990-х, полукриминальный бизнес 2000-х — кто и чему их тогда учил?

Отсутствие стратегического мышления и, соответственно, короткий горизонт планирования у того слоя, который оказался сейчас наверху, связаны с несколькими обстоятельствами:

— Во-первых, с осознанием представителями элиты непрочности собственного статуса и связанных с этим возможностей. Отсюда стремление за короткий срок пребывания в должности максимально решить задачи обогащения и накопления ресурсов влияния. Элиты ведут себя прагматично: зачем думать о том, что будет через десять лет, если твое место в этом будущем неизвестно? Поэтому формула «после нас хоть потоп», которую приписывают Людовику XIV, стала лозунгом нашей элиты. Какое уж тут стратегическое планирование... Единственное, на что им хватает способности предвидения, — это передать накопленное своим наследникам. Не секрет, что сегодня и в бизнесе, и в политике появились династии.

— Во-вторых, с резким падением качества образования, и вузовского, и особенно школьного. Именно система образования отвечает за выработку способности к стратегическому мышлению. Его надо сформировать в том возрасте, когда происходит созревание мозговых структур, ответственных за абстрактное мышление. Об этом писал еще Жан Пиаже. У меня иногда складывается впечатление, что у нас многие взрослые политики и управленцы так и остались подростками.

Кроме того, именно система образования не только дает знания и оказывает образовательные услуги, но и призвана воспитывать, то есть прививать ту самую идею служения обществу, которая явно не сформирована у поколения тех, кто сегодня принял штурвал управления у старших поколений, учившихся в прежние времена.

Таким образом, система образования не обеспечивает ни общество, ни особенно элиту тем умственным инструментарием, который позволяет понять, что объектом руководства являются как технологические процессы, так и люди, которые ожидают, что им не только будут отдавать приказы, но и объяснят цели и смысл их деятельности. Этому перестали учить, так как в вузах гуманитарные дисциплины сведены к минимуму. Чтобы изменить ситуацию, необходимо перестать «кошмарить» систему образования и организовать ее не по принципу услуг, а с точки

зрения критериев того, что требуется на выходе от гражданина, особенно если он претендует на высокие посты.

— В-третьих, у нас в политической практике нет отбора лучших людей, кадрового резерва элиты, работает преимущественно принцип лояльности. Есть две системы рекрутирования. Одна, «английская» — это когда в фирму принимают мальчика-посыльного и он проявляет себя и вырастает до вице-президента фирмы. Другая система, условно «американская» — пришел ниоткуда, ярко проявил себя, быстро занял место. Разные типы карьер, разные типы рекрутирования, но и те, и другие должны решать задачи определенного уровня. Чем выше человек забирается, тем сложнее эти задачи становятся. С «английской» системой была схожа советская модель подготовки номенклатуры, когда человек попадал в систему и она его так переделывала, что он становился способен выполнять свою функцию, быть винтиком в этом механизме. Попадая в эту систему, человек понимал, что ему надо делать, чтобы достичь вершины властной пирамиды. Нынешняя наша система рекрутинга больше напоминает американскую, только правила игры непонятны и их заменяет лояльность. Тут уже не до стратегии достижения будущего.

— В-четвертых, сказывается слабый запрос на теорию социального развития со стороны политической элиты. В нейропсихологии есть такое понятие — акцептор действия. У любого человека заложен механизм, который позволяет ему предчувствовать, предвидеть будущее, двигаться дальше, формируя некую программу действия, которая автоматически складывается в мозгу и ведет туда, куда надо. Но чтобы акцептор действия сработал, нужна некая «картинка» в голове, к которой выстраивается программа действий. Вот эта «картинка» складывается не сама по себе. В современном обществе ее создают специалисты-теоретики.

Когда в ЦК КПСС делали программу партии, то заваливали заданиями все профильные академические институты. От них требовалась экспертная проработка того, что будет, если... Сейчас такого рода серьезных заказов ни один академический институт не получает или получает очень мало. Понемногу ситуация начинает меняться. Появился, например, запрос власти на понимание психологического состояния общества. Правда, пока это делается не столько для выработки образа будущего, сколько для решения срочных задач типа выборов, но по крайней мере появилось понимание, которого еще три-четыре года назад не было. Так что некий прогресс есть, потихоньку формируется запрос на «картинку» и понимание, что в обществе есть специалисты, профессионалы, которые умеют прорабатывать образ будущего и давать эту «картинку» в самом общем виде: ее можно потом разложить на части, включая «акцептор действия» самой элиты.

Нас раньше учили, что идеологическая конструкция делится на три «этажа»: теория, пропаганда и агитация. Сегодня какой ни включишь канал — в множестве ток-шоу выступают даже не пропагандисты, а агитаторы, которые почему-то называют себя политологами и считают себя способными на теоретические обобщения. Но эффективность нашей пропаганды весьма низкая именно потому, что что бы ни наработала теория, пропагандисты не могут ее перевести толково на язык политической практики. То есть нужны все три этажа, а у нас верхние два уровня — «теоретики» и «пропагандисты» — мало востребованы. Есть только агитаторы, которые изображают пропагандистов-теоретиков и занимаются самодеятельной теорией. А начинать надо сверху, с теории.

Если пытаться сформировать общий для всей страны образ будущего, то надо решать несколько задач. Во-первых, работать с элитой и готовить ее для выполнения своей миссии постановки целей обществу. Эта задача решается через трансформацию системы образования и науки, с одной стороны, и через изменение принципов рекрутирования элиты — с другой.

Будущее сулит не только прекрасные изобретения, которые нас сделают здоровее, красивее, умнее и моложе, но и многие риски, которые с этими изобретениями могут прийти. Пора задуматься о том, какую «картинку» мы хотели бы видеть.